

Россия
Вологда
ТЮЗ

28.9 - 4.10.
2000 г.

Кружева Бориса Гранатова

Культура 2000
28 сент. 11:11:09

Гастроли Вологодского ТЮЗа

Сцена из спектакля "Поминальная молитва"

После того как вся наша жизнь стала выражаться в "у.е.", гастрольные театральные прорывы в столицу становятся все реже. А уж о том, чтобы, как в добрые старые времена, проводить здесь свои юбилейные творческие отчеты, забыли почти все. Представьте, как повезло Вологодскому театру для детей и юношества под руководством Бориса Гранатова: накануне своего четвертьвекового рубежа он показал в Москве четыре спектакля.

Пятнадцать лет назад с приходом нынешнего художественного руководителя для театра началась другая жизнь. О нем заговорили — "молодой, ищущий, авангардные театральные идеи, протестная установка на классику..." Действительно, стереотип традиционного детского спектакля он подтачивал со всех сторон. Но главным стал процесс строительства театра. "Шестеро любимых" из прежнего состава соединились с выпускниками соб-

ственной студии театра, определив собой тип нынешнего гранатовского актера. — по возрасту около тридцати, музыкального, пластичного, способного "держать удар" расторможенной молодежной аудитории и, несмотря ни на что, добиваться ансамблевости.

Словом, режиссер успел многое — в тихой Вологде создал живой театр. Спорный, порой уязвимый в запальчивом "вопрекизме", иногда в суховатой умозрительности или туманном мистицизме, но обаятельный своей открытостью миру, внутренней подвижностью. Так или иначе во всех работах театра просвечивают время и облик его руководителя — интеллигента конца века, изобретателя, фантазера, грустного оптимиста, томимого вечным смутным беспокойством.

Воспитанник Е.Р.Симонова на Высших режиссерских курсах при ГИТИСе в конце 70 х, он всерьез и надолго "заболел" Эфросом. Как и

многие из нас, тогдашних, попав к нему на открытую репетицию, уже не мог освободиться от его влияния никогда. И что бы потом ни приходилось ставить — везде отзывалось это умение схватить интонацию жизни, сделать предметом искусства аритмию и непредсказуемость ее каждого мгновения.

Словом, быту его театр не был равен никогда, а его герой, всегда отчасти неудачник в глазах окружающих, то нелепый чудак, то умница-краснобай, вряд ли имел что-то общее с нормальным, так сказать, рядовым человеком.

Нынешние столичные гастроли театра, первые крупные в его истории, подтвердили это ощущение сложносочиненной творческой жизни, которой, во всяком случае, не грозит пресная мастеровитость или усталая пресыщенность. Другое дело, что привезенные спектакли не без труда сложились в некий пасьянс — несколько озадачила амплитуда колебаний. Отдельно, хотя житейски убедительно, прозвучал "Чердак" (комедия по мотивам пьесы М.Горького "На дне"). Воскресив на сцене жанр так называемого "физиологического очерка", режиссер остроумно перенес действие в среду современных бомжей и проституток, расцвелит его всякими информационными и визуальными "шумами" — от радиорекламы "Мир кожи в Сокольниках" до эротически зазывных уличных плакатов. Однако сам переезд обитателей подвала на чердак концептуально не сработал, новой художественной информации в спектакль не привнес, несмотря на массу точных, узнаваемых деталей. Несколько натужной показалась и финальная попытка перевести действие на сугубо философский уровень, нарядить персонажей в белые одежды холодной абстракции.

Нечто похожее в смысле провокативного отношения к автору случилось и с "Гусарской балладой". С завидным упорством режиссер очищал действие от всякого намека на любовную и патриотическую мелодию. Взамен был предложен игровой, пародийный прием, своего рода "гусарская вампука", причудливо связавшая романсовую эстетику "рязановского кино" и прикольный детский утренник. Даже Шурочка Азарова — замечательная молодая актриса Л.Кочнева — не смогла здесь свести концы с концами: ее героиня вообще осталась ни при

чем. Пикантная женственность, веселая отвага оказались неостребованными ни на поле брани, ни в сердечном бою. Режиссер с каким-то непонятным садистическим удовольствием дал ей в избранники глупого маленького щелкуна, забавную марионетку с роскошными усами (по-своему, кстати, интересная работа П.Полушкина). Решение? Возможно. Только в итоге каскадная энергетика спектакля сработала против себя же самой, по-гусарски лихо расправясь и без того с минимальными в тексте крупными здравым смыслом.

Впрочем, не думаю, что сам режиссер относится к этим своим работам как к чему-то судьбоносному. Может быть, потому, что все надежды и силы последнего времени были отданы главному спектаклю — "Поминальной молитве". Она, и правда, удивила стильностью внебытового звучания, чистотой приема. Пьеса Гр.Горина наконец-то освободилась от масляного этнографического жанризма, услужливой репризности, к которой успели привыкнуть. В редком единстве с замечательными художниками С.Зограбяном и О.Резниченко рождалось нечто новое — цельное, гармоничное. Перед нами хрупкий, легкий мир поэзии и смерти: звучной шагаловской образности и изначально белого траурного пространства спектакля, увиденного как бы глазами маленького скрипача с крыши. Его смешная жантильность, выбеленное лицо с удивленными детскими бровями дают всему действию ноту тихой радости. В исполнении А.Павельева — Тевье она отзовется мягкой трагикомической растушевкой, лишенной здесь обычной патетической истовости, а в общем рисунке спектакля — меланхолической красотой поз, медленных, ритуальных движений.

Кружится вечная карусель жизни — установленная в центре сцены легкая, ажурная конструкция с подвешенной деревянной лошадкой, глиняными горшками и колокольчиками. Смотрят на людей с огромных фресок, словно святые, задумчивые синие коровы, печальные охристые козы и маленькие "птички счастья". И кажется, что все мы, живые и мертвые, очеловеченные и еще не вполне, включены в это общее движение, смысл которого — любовь.

Елена СИЗЕНКО